

20

СТАЛЬНОЕ СЕРДЦЕ СИБИРИ

КЕМЕРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

КЕМЕРОВО, 1982

684309

МУЦБС им. Н.В. Гоголя
г. Новокузнецк

№

чтобы не видеть своими глазами, как опять волокут к горну треклятый «Брозиус».

Тем не менее в один прекрасный день пушка системы КМК (она так и называется в технической литературе) осталась на отведенном ей месте, и горновые переадресовали свои шутки на консольно-поворотный кран — детище механиков. Кран предназначен для облегчения труда на литейном дворе и с легкой руки обер-мастера Семена Николаевича Болгова был окрещен «бурундуком» (замер столбиком, лапки торчком и высматривает, на каком кедре содержательней пообедать). Кран почему-то всем мешал, и тот же Павел Ефимович Яковлев, доведенный до крайности, при честном народе обещал в знак протеста вернуть премию аж самому директору. Премию (сто рублей по старому курсу) он полгода носил одной бумажкой в верхнем кармане курточки вместе с пропуском, однако удобного момента для публичной демонстрации как-то не выпадало: директор появлялся возле домен с «хвостом», со свитой из приезжих, а выносить при них сор из избы было не совсем удобно.

— Паша, — ласково уговаривали Яковлева, — не терзай ты сердце свое, давай пропьем твою сотню, все одно она, считай, дармовая: «бурундук» ваш никому не нужный получился, честное слово!

— Нет!

— Не серчай, Паша, давай пропьем!

Яковлев был упрям, шутки поутихли, кран вжился, и горновые с подручными уже не представляли себе, как это раньше они управлялись без «бурундука».

Пушка же стала вдруг модной, как звезда экрана. Смотреть ее приезжали издалека, чертежи просили, за малым исключением, все заводы страны. Получилось то, что в общем-то и требовалось: давление на поршне — 180 тонн, заряжалась пушка в один прием, была элементарно проста в обращении. Уральские машиностроители оперативно учли опыт сибиряков, модернизировали свою пушку, запустили ее в серию. Пушка системы КМК, как и многое другое в доменном хозяйстве, осталась уникальной и после незначительных переделок оправдывает свое назначение до сих пор.

И. МОГИЛЕВЦЕВ

С первой плавки

Трудовой путь мой начался рано. Родился и рос я в семье крестьянина-бедняка в Орловской губернии, так что работать пришлось с детских лет. Хотелось в школе поучиться, да кое-как

удалось окончить четыре класса. В 1927 году, когда мне и 19 лет не было, уехал я на заработки в Днепропетровск. Поступил на металлургический завод имени Петровского, рабочим в мартеновский цех. Так с тех пор и связана моя жизнь с мартенами.

Когда началось строительство Кузнецкого комбината, о нем заговорили во всей стране. Ведь это было неслыханное дело — в глуши, в Сибири, построить металлургический завод. Еще и сейчас на западе многие думают, что в сибирских городах по улицам медведи ходят, а тогда оно ведь так и было.

О Кузнецкстрое не только везде говорили. Его и строила вся страна, и кадры для завода готовились на многих заводах. В Днепропетровске открылась школа «горячего ученичества», которая готовила металлургов для Кузнецкого и Магнитогорского гигантов. Поступил в эту школу и я, окончил ее и в 1931 году приехал на Кузнецкстрой. Приехал сюда как сталевар, тогда делать было еще нечего. Мы, конечно, не сидели без дела, а включились в строительство. Я работал слесарем, закладывал фундамент миксера, шихтового двора.

Жили строители в бараках, в землянках, в палатках. Тогда только начинали строить жилые дома. Строили все больше воскресниками. Техники, конечно, никакой не было, кирпич на верхние этажи таскали на «козах», на спине. На месте теперешнего города были болота. Там, где сейчас высятся громады многоэтажных домов, мы охотились. Лично я ходил чуть подальше того места, где теперь кинотеатр «Коммунар».

Сейчас наш город — один из крупнейших и красивейших в Сибири, и в этом немалая заслуга комсомольцев и молодежи тридцатых годов. Мы на воскресниках строили многие дома, озеленяли город.

Быстро, на глазах, рос завод. Был я как-то на Антоновской площадке, смотрел, как строится Западно-Сибирский завод. Смотрел и думал — если бы нам, кузнецкстроевцам, к нашему энтузиазму да такую технику, какая у нынешних строителей! Ведь на Кузнецкстрое все делалось кувалдой, вывозилось на лошади. Пожалуй, единственными механизмами были примитивные бетономешалки, которые мы звали «грушами». А какие морозы стояли в те годы! В 1932 году, например, они доходили до 50 градусов. Многие строители приехали с юга, такие морозы им были в диковинку, переносились они с трудом. Но работы на заводе не прекращались несмотря ни на что.

Не все, конечно, у нас, кузнецкстроевцев, было гладко. Среди нас находились малoverы, которые не верили, что в таких условиях, в такой глуши можно построить завод, да какой! Металлургический завод-гигант! Такие сбегали, но на их место прибывали новые, и завод рос.

В сентябре 1932 года была пущена первая мартеновская печь. Первую плавку выдавал сталевар Краснощеков, я был у

него подручным. Какой это был праздник, какой грандиозный митинг состоялся, когда была получена первая кузнечная сталь!

На строительстве было много иностранных специалистов. Ведь оборудование было заграничным, завод строился по заграничным проектам. Были среди иностранцев такие, которые хотели научить нас работать, охотно передавали свои знания, опыт. Но многие относились к нам, советским людям, высокомерно, ничему нас не учили, а наоборот, скрывали свои знания. Немец Райнер, например, не появлялся на заводе в трезвом виде, ничего не делал, только кичился тем, что у него есть патент на какое-то изобретение. Другой иностранный специалист, электрик, никак не хотел, чтобы мы освоили производство. Не сконтует, например, клапан. Не зная, как его исправить, мы обращаемся к этому иностранцу, он исправит, но никогда не скажет причину, не говоря уже об устройстве клапана. Зато американский консультант Вэйл охотно делился своими знаниями, близко к сердцу принимал строительство завода. Мартеновцы вспоминают его с благодарностью.

Однако большинство иностранцев относились к строительству недоброжелательно. Помню такой случай. Когда был получен первый кузнечный чугун, все ликовали, а немцы говорили:

— Что вы радуетесь, это же не ваш чугун, а наш, мы пу-
скали.

Может быть, они и вправду думали, что мы без них не сможем работать. Но мы доказали, что это не так. Выросли кадры кузнечных металлургов, которые теперь в стране известны как лучшие. Усовершенствованы мартеновские печи. В первые годы мы не знали никаких приборов, кроме аппарата Штейера. Когда мы осваивали одиннадцатую печь, то моим подручным приходилось забираться по колоннам вверх, чтобы прибавить или убавить газу. А теперь сталевару помогает множество приборов. Молодые сталевары без них и работать не смогут.

Много нового, передового зародилось в мартеновских цехах Кузнечного комбината. Впервые в стране мы применили выдувку шлака и металла сжатым воздухом. Раньше очистка подины производилась вручную, «грибками». Это был очень тяжелый изнуряющий труд. Впервые мы применили для разделки стале-
выпускных отверстий отбойный молоток. Впервые для наварки пода применили заправочную машину (интересно вспомнить, что в 1932 году, когда цех начал работать, заправочную машину не могли применять даже для заправки — настолько неопытны-
ми были тогда кадры).

Мирному труду советских людей помешала война. Украина, Донбасс, попали под немецкую оккупацию. А ведь там была основная часть металлургических заводов.

На долю Кузнечного металлургического комбината выпала задача снабжать оборонную промышленность металлом.

Раньше нигде в мире оборонный металл не выплавлялся в основных мартеновских печах, и кузнечким мартеновцам пришлось этому научиться. В победе над гитлеровской Германией кузнечная сталь сыграла свою непреходящую роль.

Традиции кузнечных металлургов множились и крепили и после войны. Мне выпала высокая честь быть делегатом XXI съезда родной партии. Какое радостное чувство охватило меня, когда в отчетном докладе первым среди передовых предприятий страны, предложивших встречные планы на семилетку, был назван Кузнечкий металлургический комбинат.

Годы идут, и многие ветераны Кузнечкого металлургического комбината уже на пенсии. Годы идут, и, передавая эстафету трудовой славы, мы говорим: не забывайте славных традиций кузнечан, трудитесь так, чтобы ветераны могли гордиться вами!

Д. ПЕРЕВАЛОВ

Первый машинист

Шел январь 1930 года. Суровые морозы разрывали землю. Лютая сибирская зима, казалось, всеми силами стремилась загнать все живое к теплу, поближе к печке.

На одинокой насыпи горели костры.

Около костров суетились люди: собирали первый паровоз. Разогревая детали, ставили их на раму паровоза, крепили гайки, клинья. Было твердое задание — дать паровоз 1 февраля, и бригада работала днем и ночью.

Работой руководил седоусый машинист Степан Макарович Воронов. Нелегко пришлось ему. Инструмента не было, а главное, не было паровозного депо, без которого, казалось, немыслима всякая возможность работы. Но железнодорожники не унывали. 31 января паровоз был собран.

Проверив еще раз машину, Степан Макарович начал заправку. Многолетний опыт машиниста помог. На 40-градусном морозе Степану Макаровичу удалось разжечь топку.

Это был смелый шаг.

В 8 часов утра 1 февраля 1930 года паровоз задышал, пробужденный к жизни руками героев стройки. Степан Макарович взялся за рычаг, послышался гудок.

Первый паровоз Кузнечкостроя пошел, набирая скорость.

За плечами первого машиниста Кузнечкостроя Степана Макаровича Воронова — почти полвека труда. 30 из них — на паровозе.

Теперь в железнодорожном цехе работают сотни стахановцев, обслуживая десятки цехов громадного завода.